

Светлана Стивенсон

Дмитрий Громов. АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 424 с. ISBN 9785444818695.

Светлана Стивенсон, университет Лондон Метрополитан. Адрес для переписки: London Metropolitan University, 166-220 Holloway Road, London N7 8DB, United Kingdom. s.stephenson@londonmet.ac.uk.

17 августа 2020 года Верховный суд РФ признал «хорошо структурированную и управляемую организацию» «Арестантское уголовное единство» экстремистской организацией (РБК 2020). Наконец, после нескольких лет обсуждений на разных уровнях государственной власти, после многочисленных законодательных инициатив, публикаций СМИ и ведомственных инструкций законодатель нанес мощнейший удар по этому рассаднику молодежной преступности. Подавляющее большинство – 85% – респондентов опроса, проведенного ВЦИОМ осенью 2020 года, заявили, что «признание “АУЕ” экстремистской организацией и ее запрет в России – правильное решение» (ВЦИОМ 2020).

У этой истории есть один важный нюанс: никакой организации АУЕ никогда не существовало, и даже расшифровка аббревиатуры оказалась плодом воображения тех, кто участвовал в создании моральной паники вокруг этого фантомного явления. В рецензируемой книге Дмитрий Громов показывает, как АУЕ – возглас, которым с некоторых пор заключенные стали приветствовать друг друга, – овеществился и превратился в мощную «организацию», или «движение», или «сообщество», или «субкультуру», в зависимости от предпочтений комментаторов. Число вовлеченных участников, география распространения, объемы финансирования со стороны злобного Запада – все это не нашло, как убедительно демонстрирует Громов, подтверждения в реальности.

Конструированию «чудовищного Другого» – организованной враждебной силы, которая противостоит добропорядочным гражданам, – посвящено много работ в западной социологии и криминологии. Такими «Другими», в частности, являются молодежные девиантные сообщества или банды. Их организованность, а также степень вовлечения в насильственную и криминальную деятельность зачастую существенно преувеличиваются. Джек Кац и Кёртис Джексон-Джейкобс говорят о восприятии молодежных банд как «трансцендентального зла» (Katz and Jackson-Jacobs 2004). Алармистский информационный фон вокруг них и им подобных объединений ведет к принятию репрессивных законов и правовых актов (Hallsworth and Young 2008). Подобные процессы разворачивались и в России, однако в центре внимания была не реально существующая криминальная группа, а воображаемая организация, якобы пропагандирующая преступный образ жизни и втягивающая молодежь в криминальные практики.

В своей книге Дмитрий Громов описывает процесс и причины возникновения моральной паники вокруг несуществующей АУЕ. В отличие от правоохранителей и журналистов – «моральных предпринимателей» (Becker 1963), создавших «мо-

ральную панику» (Cohen 1972) и оперирующих в зоне, свободной от фактов и доказательств, автор монографии опирается на критический анализ документов, дискуссий и комментариев, собранных из интернет-форумов, аудио- и видеоматериалов, посвященных АУЕ и другой криминальной тематике. Громов количественно анализирует связанную с АУЕ лексику, привлекает исследования антропологов и социологов, исследовавших молодежную преступность, и, наконец, проводит собственные опросы школьников и экспертов. В результате автор рисует объемную картину, из которой становится очевидным, что АУЕ существует лишь как бренд, «символическое воплощение . . . условной подростково-молодежной криминальной среды» (с. 192) и интернет-мем, не являясь социальной организацией или вовлекающим в преступность движением. При этом за «связь» с АУЕ в России даются реальные сроки, закрываются молодежные интернет-ресурсы, а учителя и ученики школ в «неблагополучных» районах, где, по мнению правоохранителей, оперирует организация, живут в страхе, что будут обвинены в экстремизме.

Книга состоит из введения, восьми глав и двух заключений. Одно подводит итоги исследования, а второе показывает социальную опасность кампании против АУЕ.

В первой главе автор рассматривает связанную с АУЕ информационную кампанию; это одна из наиболее важных глав книги. Здесь Громов прослеживает хронологию появления сообщений об АУЕ, начиная с публикаций о принадлежности к этой организации разрозненных правонарушителей и молодежных групп в Забайкалье и Бурятии. Ключевым событием в формировании мифа об АУЕ стал доклад, сделанный в 2016 году начинающим политиком и секретарем Совета по правам человека при Президенте РФ Яной Лантратовой. Из малозначительных новостных сообщений слово «АУЕ», по мнению Громова, превратилось в *бренд* (возможно, лучше было бы назвать это социальным и медийным конструктом), а представители правоохранительных органов на местах, следуя должностным инструкциям, стали находить следы АУЕ в инцидентах с участием несовершеннолетних.

Во второй главе Громов рассматривает различные толкования слова «АУЕ». Его анализ показывает, что последние очень вариативны и подчиняются законам фольклорного бытования. Данная Верховным судом расшифровка, по его мнению, навязана извне, а изначально, по-видимому, «АУЕ» было восклицанием, означающим приветствие в тюремном мире.

Третья глава рассматривает разнообразные версии происхождения АУЕ как организации. Основные версии предполагают, с одной стороны, ее зарождение в подростковых исправительных учреждениях, а с другой – в результате целенаправленной деятельности представителей воровского сообщества. Предположения экспертов, не имеющих четкого представления о молодежной преступности и лишь предлагающих гипотезы, зачастую транслируются журналистами как непреложные факты.

Четвертая глава иллюстрирует, как АУЕ – фантом, родившийся в алармистских заявлениях политиков и полицейских протоколах, трансформировался в то, что Громов называет брендом. Так, возникает производство аудиовизуальной продукции, литературных и музыкальных произведений, видеороликов, граффити, что, в свою очередь, порождает преследования со стороны правоохранителей,

воспринимающих все это в качестве материальных свидетельств существования искомой организации или движения. Изучая содержание посвященных АУЕ и уголовно-тюремной тематике пабликов, Громов не находит в них признаков криминального рекрутирования и/или их ориентации на преступную карьеру.

Пятая глава представляет авторский анализ истории запросов, связанных с АУЕ, и показывает, что интерес к этой теме коррелирует с заявлениями политиков и с появлением связанных с АУЕ медийных продуктов.

В шестой главе Громов пытается найти доказательства существования АУЕ, интервьюируя информантов из Забайкалья – региона, откуда пришли первые сообщения об этой организации. Автор столкнулся с невозможностью провести исследование в учебных заведениях – настолько напуганы учителя преследованиями со стороны правоохранителей, – однако свидетельств организованной криминализации молодежи нет даже в этом сравнительно неблагополучном с точки зрения молодежной преступности регионе. Основываясь на данных исследований о молодежной преступности, проводившихся в ряде регионов России, а также собственных опросов, Громов показывает, что тема АУЕ не актуальна для реально существующих уличных группировок. Интервью с экспертами по криминальной культуре, часть из которых составляют бывшие заключенные, и онлайн-опрос школьников из различных регионов России показывают, что молодежь никто специально не вовлекает в криминальную деятельность и не заставляет отправлять деньги в тюремные общаки.

Седьмая глава обращается к тому, как собранный эмпирический материал вписывается в рамки концепции моральной паники. Обращаясь, в частности, к причинам, по которым такая паника возникла в современной России, Громов выделяет коллективные фобии, вызвавшие к жизни фантом АУЕ. К ним он относит страх перед молодежной преступностью и угрозой внешнего политического вмешательства в дела страны. Между тем в создании этой паники поучаствовали также оппозиционные издания и журналисты. Последние, проявляя порой несколько больший скептицизм, нежели провластные СМИ, охотно подхватили тему «движения АУЕ». Последнее они квалифицировали как доказательство коррумпированности государственной власти, а также укорененности общественного и государственного уклада в системе воровских понятий.

Наконец, в восьмой главе Громов рассматривает советские и постсоветские моральные паники, начиная с хулиганов середины 1950-х годов (во время кампании по борьбе с хулиганским и аморальным поведением молодежи) и заканчивая готами, эмо и группами смерти. При этом автор полагает, что современные моральные паники больше похожи на западные аналоги, нежели на советские практики.

Рецензируемая книга – чрезвычайно важное научное исследование того, как был сконструирован феномен АУЕ. Это результат десятилетнего труда, в ходе которого посредством триангуляции различных методов Громов изучил как породившие АУЕ информационные процессы, так и имеющиеся свидетельства криминализации молодежи. При этом книга сочетает в себе два разных эпистемологических подхода – как конструктивистский (изучение того, как и кем сформировались «знания» об АУЕ), так и реалистический (изучение влияния криминальной культуры и сообществ на молодежь). На мой взгляд, конструктивистская часть является

наиболее убедительной в этой работе. Так, проведенный автором критический анализ утверждений моральных предпринимателей и агентов социального контроля об АУЕ исчерпывающе доказывает, что они основаны не на эмпирических фактах, а на конъюнктурных и политических соображениях.

Попытка же Громова собрать и обобщить информацию о различных молодежных сообществах и практиках – как досуговой, так и криминальной направленности – потребовала огромного труда, однако результаты подтверждают опять-таки спекулятивный характер утверждений о существовании организации АУЕ, впрочем, не опровергая того, что тюремная культура является привлекательной для части молодежи. А ведь именно эта культура и ее основные носители – члены воровского сообщества – это то, с чем на самом деле борется российское государство, для удобства обозначая «экстремизмом» и привязывая к несуществующей организации. То, что начиналось как моральная паника вокруг темы криминализации молодежи, сегодня превратилось в репрессивную кампанию против любых проявлений символики, традиций и понятий тюремной культуры. Ее представителей превращают в идейных экстремистов, наряду с джихадистами, свидетелями Иеговы (Сухаренко 2023) или политическими оппонентами власти. Здесь уже напрашиваются сравнения не с западными моральными паниками, а со сталинскими практиками борьбы с «врагами народа»; однако это тема для другого исследования.

Книга Громова – замечательный пример как публичной социологии, так и публичной криминологии. Проведя тщательное научное исследование, автор доносит свои результаты в доступной форме и обращается к широкой читательской аудитории, журналистам, практикам. Он показывает, что законодательная и правоприменительная практика, основанная не на понимании реальных проблем, а на репрессивных установках и создании вымышленных врагов, имеет своим результатом поломанные человеческие судьбы. При этом борьба с «деструктивным влиянием» интернета, культурной продукцией, символикой и традициями не способствует решению реальных социальных проблем. Так, обсуждаемая книга своевременно освещает ту часть социальной реальности, где до сих пор вместо знания господствовали социальные фобии, идеологические конструкты и своекорыстные интересы «моральных предпринимателей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ВЦИОМ. 2020. «АУЕ: угроза реальная или мифическая?». 15 октября. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ae-ugroza-realnaya-ili-mificheskaya>.
- РБК. 2020. «Верховный суд признал экстремистским и запретил движение АУЕ». 17 августа. <https://www.rbc.ru/society/17/08/2020/5f3a5acc9a79473da0c66a9f>.
- Сухаренко, Александр. 2023. «Уголовников приравняли к “врагам народа”». *Независимая газета*, 4 июля. https://www.ng.ru/ideas/2023-07-04/8_8764_subculture.html.
- Becker, Howard S. 1963. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Glencoe, IL: Free Press.
- Cohen, Stanley. 1972. *Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. London: MacGibbon and Kee.
- Hallsworth, Simon, and Tara Young. 2008. “Gang Talk and Gang Talkers.” *Crime, Media, Culture* 4(2):175–195. <https://doi.org/10.1177/1741659008092327>.
- Katz, Jack, and Curtis Jackson-Jacobs. 2004. “The Criminologists’ Gang.” Pp. 91–124 in *The Blackwell Companion to Criminology*, edited by Colin Sumner. Oxford: Blackwell.